

О ПОВСЕДНЕВНОМ МИССИОНЕРСТВЕ

Петр (Мещеринов), игум.

Когда мы говорим о миссионерстве, это не значит, что нужно снаряжать особую поездку в Китай или на острова Фиджи. Вокруг нас, в бывшей православной стране, в любимой нами и печальной нас России наши близкие – дети, родители, родственники, друзья, коллеги – нуждаются в христианском миссионерстве не меньше, чем австралийские аборигены или бангладешцы. Не надо думать, что миссия – удел каких-то особых служителей Церкви. Ко всем христианам обратил Апостол Пётр такие слова: **вы – род избранный, царственное священство, народ святой, люди взятые в удел, дабы возвещать совершенство Призвавшего вас из тьмы в чудный Свой свет** (1 Петр. 2, 9); **будьте всегда готовы всякому, требующему у вас отчёта в вашем уповании, дать ответ с кротостью и благоговением** (1 Петр. 3, 15). **Вы – соль земли... вы – свет мира**, говорит нам всем Господь; **так да светит свет ваш перед людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного** (Мф. 5, 13;14;16). Поэтому вполне можно говорить о повседневном, "домашнем" миссионерстве среди окружающих нас, как о важной и общей всем заповеди Божией.

Надо сказать, что многие из нас и предпринимают усилия в этом направлении, всячески проповедуя среди своих родственников и знакомых, стараясь воцерковить их. Но нечасто, увы, наша проповедь венчается успехом. Бывает даже и наоборот – наши труды отталкивают людей от Церкви; и не столько труды, сколько тот образ христианства, который мы подчас являем. Нередко приходится сталкиваться с такими ситуациями: жил себе обычный человек; обратился к Богу, воцерковился – и стал совершенно непереносим для своих ближних, которые, глядя на него, думают: ну если он сделался таким из-за Православия, то нам от него нужно, пожалуй, держаться подальше... Или: вот "средняя" семья; живут муж с женою уже несколько лет, "притёрлись" друг к другу, выстроили отношения, быт. Вдруг – горе: супруга уверовала... и теперь – конец мирной жизни в семье. Муж брошен, всё внимание супруги обращено только на "духовную жизнь", на духовника, на паломничества; муж не слышит уже от жены нормального слова, а только православную лексику да упрёки: де, ты нехристь, венчаться не хочешь, не постишься, и проч., и проч. Результат такого "воцерковления" – семья на грани распада... И, я думаю, каждый из нас может припомнить немало случаев такого рода.

Почему же так? Ведь Церковь сама в себе имеет великую, неотразимую убедительность, она не может не быть привлекательной. Отчего же наши ближние, видя нас, слушая нас, людей церковных, не приходят к Церкви? Отчего мы, при всей искренности наших намерений, не являем перед людьми "совершенства Призвавшего нас в чудный Свой свет" (1 Петр. 2, 9)? Очевидно, где-то мы совершаем ошибку?

Да, совершаем. И ошибок этих в деле миссии мы делаем несколько. Вот они:

1. Благовествование Христа и спасения в Нём, как сути Церкви нередко подменяется проповедью внешней церковности. В основе этого лежит мысль привести человека к Богу через обряд, причём последний может восприниматься с известной долей магизма. По образному выражению одного батюшки, мы склонны проповедывать купола и колокола, а

не Христа и нравственную жизнь. Часто можно услышать такие, например, "советы новоначальным": "ты вот постись, ходи в церковь, читай такие-то и такие-то молитвы, съезди обязательно в такую-то обитель к старцу, отслужи молебен такой-то иконе", и проч., и проч. Наставляемый говорит: "да я не понимаю ничего, что в Церкви происходит, и молитвы мне непонятны..." На это следует такой ответ: "ну и ничего, что ты не понимаешь. Главное, что бесы понимают, а тебе и не надо ничего понимать", – то есть как бы всё само собой, автоматически, где-то там на небе произойдёт, а ты только выполняй то-то и то-то. Это и есть магизм. – На самом же деле перед участием в церковном обряде обязательно требуется понимание его, – то есть от Христа и Евангелия как от главных, источных вещей мы приходим к обрядам и внешним чинам Церкви, которые только в этом случае осмысливаются и наполняются реальным духовным содержанием. Это исконный образ действия Церкви: сначала научить, затем преподавать, – но не наоборот. Поэтому когда мы хотим приобщить кого-то к Церкви, начинать нужно не со свечек и записок, а с объяснения основ веры и устройства Церкви; а основы эти сводятся к благовествованию о Христе Спасителе и о нравственной Евангельской жизни.

2. Создаётся неправильный образ Церкви: часто мы зовём людей в Церковь не потому, что она Христова, а потому, что она традиционна на Святой Руси, и наша нация обязана ей своим становлением.

Здесь нужно сказать следующее. Церковь имеет определённую иерархию ценностей, и нужно всегда отличать религиозный её смысл от внешних соприкосновенностей. Патриотизм и здоровое национальное самосознание – вещи важные, нужные, востребованные; но они не могут занимать первые места именно в Церкви. Главное в Церкви – это Христос Спаситель, Его Божественная Личность; задача Церкви – приобщать Ему Духом Святым людей, причём – не собственно народы и нации, а именно каждого человека, каждую личность. Церковь преводит человека с перстной земли на Небо; нации же – принадлежность падшего мироустройства; поэтому начинать знакомство с Церковью с положения "русский – следовательно, православный" – значит переворачивать стройный порядок христианских ценностей с ног на голову, и душу, чающую Неба, возвращать опять на землю. История XX века с очевидной ясностью показала, что русский – не всегда значит "православный". В 1917 году немалая часть русского народа отказалась от христианства; кровь своих верующих собратий проливали, к сожалению, и русские люди тоже... Правда, если мы будем рассматривать исторический контекст Православия, мы увидим, что Поместные Церкви строились по национальному признаку; однако Церковь, не отрицая важность национальной составляющей жизни, при этом всегда осознаёт и исповедует себя прежде всего Апостольской, Единой и Соборной, т.е. Вселенской. Это значит, что Христова Церковь открыта любому человеку, независимо ни от каких его особенностей: расовых, национальных, социальных, образовательных, профессиональных, и т.д. Для Церкви это всё не важно, важна сама человеческая личность. Когда этот принцип церковной жизни умалется, забывается, когда национальные идеологемы выходят на первый план и претендуют на какую-то особую церковную санкцию, тогда наличная церковная действительность становится не способной выявить в должной мере именно церковную, вечную, небесную суть христианства, – что мы, кстати, и наблюдаем в настоящее время.

Между прочим, эти две подмены – Христа обрядом и Церкви национализмом – являются основной причиной, по которой значительный успех у молодёжи имеет протестантизм. Однажды я разговорился с молодым человеком, ходившим на наши катехизические курсы при Молодёжном центре Данилова монастыря. Этот молодой человек находился в духовном поиске, результатом которого было его пребывание (на тот момент) в одной из протестантских церквей. Когда я спросил его, почему так, что его "не устраивает" в Православии, он ответил: "я два года ходил по московским храмам и слушал проповеди. И в 90 % проповедей я не слышал ничего о Христе и Евангелии. А у протестантов хоть как-то об этом говорят". – Конечно, я думаю, что 90 % – это явное преувеличение, но при всём преувеличении упрёк этого юноши нельзя не признать обоснованным.

3. Смещение акцентов и нарушение христианских ценностей проявляется также и в том, что в большинстве случаев наша проповедь носит отрицательный характер. Мы проповедуем себе и другим смерть, ад, вечные муки, бесов и их козни; мы запугиваем себя и других антихристом, глобализацией и проч. Призыв к отказу от лже-ценностей часто перерастает в отрицание естественного устройства жизни. Христос в такой системе проповеди выступает не как Цель духовной и церковной жизни, а – в лучшем случае – как средство избежать адской участи и бесовского (или глобалистского) воздействия. – Нарушение правильного строя мыслей заключается здесь вот в чём: Бог открыл нам истины об аде, наказании грешников, о приходе антихриста перед концом истории и прочих вещах этого рода вовсе не для того чтобы мы сделали это основным содержанием нашей жизни, а для того, чтобы мы имели трезвый и точный взгляд на человека и на историю. Цель же нашей жизни – Христос, жизнь с Ним и Им; пребывание со Христом – всегда радость и мир. Вот с этого и нужно начинать проповедь. Любой человек стремится к счастью и боится смерти; Христос есть высшее счастье, Он есть **Воскресение и Жизнь** (Ин. 11, 25). Ад же, и бесы, и грех есть то, от чего нас Христос как раз избавил. Избавление это, правда, не безусловно; оно зависит от соблюдения нами заповедей Божиих, от противления греху и понуждения себя на добро, от нашей личной нравственной, духовной и церковной жизни. Именно на это и нужно обращать главное внимание, подчёркивая дар Христовой свободы и связанную с ним нравственную ответственность человека за своё христианство, – а не то, как будто наша религия сводится к системе "колдовства – антиколдовства", при которой люди опять попадают в рамки автоматически-магического взгляда на духовную жизнь.

Итак, наша проповедь должна носить положительный характер и быть, прежде всего, Христоцентричной. Без этого не будет действенным наш призыв к людям "бегать греха": люди просто не поймут, ради чего, собственно, они должны отказываться от многих вещей, считаемых в падшем мире "нормой": они не видят, что они получают взамен.

И ещё. Люди в большинстве своём живут сейчас очень трудно. Наше время отличается особым разлитием жестокости, цинизма, равнодушия, неуверенности в завтрашнем дне. В таких условиях нужно особенно следить за тем, чтобы не переносить на Церковь идеологию современного общества. Нельзя людей пугать Богом. Бог – не равнодушный бюрократ, не надзиратель, не злорадный подсчитыватель наших промахов, немощей, ошибок и грехов. Он – наш Отец; (1 Ин. 4, 16). Душа человеческая чаёт Спасителя Христа и Утешителя Духа; человеку нужен положительный идеал Истины, Любви и благобытия. Идеал этот – Иисус Христос; нельзя представлять Его людям не тем, что Он есть. Нельзя

отодвигать Его на второй план, на первом имея ад, бесов, ИНН, колдунов, масонов, глобалистов и проч. Нельзя подменять благовествование зловествованием; такая проповедь не может быть удачна.

4. Нередко наше представление о Церкви превращается в "лубок". Связано это с тем, что настоящая духовная жизнь требует от человека, как я уже говорил, неперемного соблюдения Евангельских заповедей, понуждения себя на добро, противления греху, живущему в нашем сердце. Подлинное христианство трезвенно, ровно, сосредоточенно, чуждо развлечений, и – в некотором смысле – сухо; оно всё – внутри, а вне оно скромно, малоэффектно, неброско, незаметно. При этом евангельская жизнь трудна, для неё нужно постоянное внутреннее усилие души (Мф. 11, 12). Многим людям всё это скучно и неинтересно. Им нужен, как писал ещё свт. Игнатий, эффект и развлечение; поэтому христианство "расцветивается" самыми разнообразными вещами, такими, как: видения, знамения, откровения; поездки в поисках прозорливых старцев и стариц; почитание разнообразных источников и прочих "святыnek"; высчитывание признаков скорого конца света; создание огромного количества преданий о тех или иных почитаемых святых, и т.д. Нередко сюда примешивается и язычество, облекшееся в церковные одежды, например, почитание Медовых, Яблочных и прочих "Спасов", Масленица, разного рода полусуеверные обычаи, связанные с праздниками Рождества и Крещения, и проч. Опасность здесь та, что в качестве учения Церкви выступают не Священное Писание, не догматическое и нравственное святоотеческое Предание, но исторически небезупречные сведения и **негодные и бабьи басни** (1 Тим. 4, 7). Результат этого плачевен: Церковь воспринимается людьми, имеющими хоть какую-то трезвость ума, не как **столп и утверждение истины** (1 Тим. 3, 15), но как не более, чем "сказка". Вообще нужно учитывать, что образовательный и интеллектуальный уровень современного человека довольно высок, и его вряд ли может удовлетворить сюсюканье о Боге и Церкви на "птичьем языке" и ворох сомнительных историй, неизвестно откуда взявшихся.

5. Часто мы преподносим нашим ближним Церковь как исключительно систему запретов и долженствований. Разумеется, Церковь, как явление, охватывающее все стороны человеческой жизни, не может обходиться без тех или иных дисциплинарных норм. Но всё это в Церкви не самоценно, а подчинено главной её цели – соединению человека с Богом, и в Боге – друг с другом. **Где Дух Господень, там свобода** (2 Кор. 3, 7); Господь раз и навсегда установил "правило для всех правил": **суббота для человека, а не человек для субботы** (Мк. 2, 27). Это не значит, конечно, что в Церкви можно вытворять, что взбредёт в голову, или что свобода – это свобода грешить; а значит то, что человек приходит к послушанию Церкви и принятию на себя её правил через осознанную внутреннюю христианскую жизнь. Только тогда внешние формы Церкви наполняются для человека реальным духовным содержанием и охраняют и укрепляют подлинную свободу души во Христе. Кроме того, так как все люди разные, у всех своя мера, то и степень внешней церковности и применимости к каждому дисциплинарных норм Церкви разная, индивидуальная. Смысл Церкви вовсе не в том, чтобы загнать человека в общую всем "схему", но в том, чтобы он, разумно и индивидуально пользуясь теми средствами, которые содержит Церковь, нашёл свой путь ко Христу. В этом проявляется присущее Церкви великое уважение к личности, её свободе, доверие к человеку.

У нас же, к сожалению, как раз уважения к личности маловато. Считается, что в Церкви все должны быть одинаковыми, что для всех людей выписан, в мельчайших подробностях, один только рецепт спасения. Но Церковь – вовсе не казарма, где все обязаны "жить строем". Я как-то разговаривал на эту тему со старым профессором ВУЗа, в котором я учился. Этот умный, добрый и нравственный человек верил в Бога, но к Церкви обращаться не хотел. "Почему?", спросил я его. "Видишь ли, голубчик, – ответил он мне, – достаточно было в моей жизни советского коллективизма; не хочется мне уже никакого другого. Кроме того, я ведь начинал ходить в церковь, когда это стало "можно". Там мне сообщили, что я обязан делать то-то, то-то и то-то; но никто мне не объяснил, почему я это обязан. Я, например, не могу поститься: мой организм не выносит постной пищи, и здоровье у меня слабое. Молодой священник, с которым я говорил, сказал мне, что это всё отговорки, нежелание подвизаться, самолюбие и высокоумие, что пост ещё никому не вредил, что пост вообще лучшее лекарство от всех болезней, а врачей, если они неверующие, и слушать не надо; и что без поста Церковь не разрешает причащаться. Ну, раз Церковь мне не разрешает, то я в неё и не хожу..." Вот пример антипроповеди. Вместо того, чтобы помочь человеку развить, усовершенствовать и "оцерковить" уже имевшуюся у него веру во Христа, её "забили" запретами и непомерными (на тот момент) для этого человека требованиями... а ведь так часто происходит. Люди, слушая нас, думают, что Церковь сводится всего лишь к понятиям "надо" и "нельзя", что она – как некая "клетка", куда человек попадает, дверца за ним захлопывается – и всё, теперь только посты и правила, послушания и отсечения всего, что только можно. Люди боятся, что они потеряют в Церкви свою свободу, – и это опасение имеет основание в нашем, православных, образе восприятия Церкви. Мы думаем, что поменяв свободу на правила и запреты, мы тем самым обретаем "гарантию спасения". На самом же деле "гарантии спасения" не может быть ни в чём внешнем, ни в каких правилах. Спасение наше в том, что в нашем сердце поселяется Святой Дух; а Он живёт в чистоте и свободе; где нет свободы, там и Духа нет.

Поэтому надо всегда помнить, что говоря окружающим нас людям о Церкви, нужно знакомить их с Христом, с Его любовью к каждому человеку, вот к нему, к которому сейчас обращена наша проповедь. Нужно говорить об освящающей силе Святого Духа, освобождающей людей от мучительства грехов и горького пленения стихиями мира сего, о том, что в Церкви человек только и обретает подлинную свободу, – а не заваливать всех подряд ворохом схематических бесчисленных и мельчайших регламентаций жизни.

6. И, наконец, самое главное. В нас самих мал пример христианской жизни. Люди, к которым мы обращаем наши увещания, вряд ли могут сказать о нас, как о древних христианах: "смотрите, как они любят своего Христа и друг друга". В глазах людей внешних мы – такие же, как и они, а то и хуже; всё наше христианство – в словах. Налицо разрыв между верой и делами, между полнотой истины, содержимой Православною Церковью, и нашей повседневной церковной действительностью, которая в своих крайних (но, увы, не исключительных) проявлениях доходит до националистического магизма православного обряда. Но почему же так? Ведь мы вовсе не злонамеренны, мы любим нашу Церковь, понимаем и чувствуем эти проблемы... но как-то плохо получается у нас быть настоящими христианами. Получается, что жизнь идёт своим чередом ("берёт своё", как говорится), а от Православия нам остаётся только доктрина, которую мы

усердно храним, ценим, любим... но не живём ею. В чём же причина такого положения дел? Почему наша церковная жизнь не реализуется в должной мере?

Причин, конечно, много; здесь нет возможности разбирать их все. Отмечу две из них: принижение роли Священного Писания и неправильное восприятие Священного Предания Церкви.

"Две стихии, Церковь Божию питающие, суть Слово Божие и Таинства", – писал свт. Феофан Затворник. Евангелие и всё Священное Писание дано нам Богом для того, чтобы мы узнавали из него волю Божию и жили в соответствии с ней. Св. Писание поэтому должно преимущественно изучаться христианами. Преп. Серафим Саровский советовал так привыкнуть Новому Завету, чтобы ум как бы "плавал" в словах Писания. Преп. Антоний Великий говорил, что на всякое дело, делаемое нами, мы должны иметь свидетельство Св. Писания. Однако в нашей повседневной жизни оказывается нередко, что не очень-то оно интересно и нужно православным. Не раз я сталкивался с тем, что человек и в Церковь ходит, и в Таинствах участвует, и считает себя православным, и даже активно борется за Православие – а Новый Завет не то что не знает, как должно, но даже и целиком-то не прочитал. Есть и "объяснение" этому: Евангелие-де, идеал, а мы – люди грешные, нам до идеала далеко. – Конечно, Евангелие указывает нам на Идеал – Христа Господа; но само Евангелие вовсе не идеал, а, выражаясь современным языком, точная и неотменимая инструкция жизни, без постоянного соблюдения которой никакое христианство не возможно. К сожалению, когда мы стремимся воцерковить своих ближних, редко мы обращаемся к Св. Писанию. – К одному священнику пришла его прихожанка и говорит: "Батюшка! Что мне с соседкой делать! Не хочет она в Церковь идти. Я ей всяких книжечек надавала, а она их прочитала и говорит: ну нет, я в вашу Церковь не пойду". "Что же ты ей дала?", поинтересовался священник. "Хорошие книги, православные", сказала прихожанка. "Про антихриста, Мытарства блаженной Феодоры, Россия перед вторым пришествием, 8000 ответов батюшки на разные вопросы, да много всяких книг". "Почему же ты не дала ей сначала Евангелие?", спросил батюшка. На это ответа не последовало...

Между прочим, протестанты подкупают молодёжь в том числе и тем, что они активно изучают Писание. Мы беспокоимся: как нам противостоять сектантам? А вот начать с того, чтобы Евангелие перестало быть для нас только святыней для лобзания, а стало активно воплощаться в нашей жизни – и в образе мыслей, и в образе действий.

Когда мы говорим о Священном Предании, необходимо, по мысли В.Н. Лосского, различать само Предание и его формы. Священное предание есть живая жизнь Святого Духа в Церкви; формы же Предания складываются исторически, выявляя эту жизнь Духа в тех или иных церковных явлениях. Принятие Священного Предания, в этом контексте, означает войти в опыт Церкви, "подключиться" к нему. Это возможно, как я уже говорил, только при условии свободной и ответственной личной нравственной христианской жизни. Формы же Св. Предания указывают рамки, направления, способы, опыт этой внутренней деятельности; но сами по себе эти формы не являются "автоматически" духовными. Они должны быть индивидуально осмыслены и приложены к себе самим христианином.

Наша основная ошибка заключается в том, что для нас исторические формы Предания становятся важнее самого Предания. Когда это происходит, тогда Предание лишается жизни, превращается в упомянутую выше "схему", в набор правил, постановлений, запретов, раз и навсегда определённых способов аскетического поведения и т.д. – Преданию всегда свойственно осмысливать современность с точки зрения Христовой Евангельской истины; мы же, принимая за Предание его формы, становимся не способными на это, боимся вопросов, которые ставит перед нами жизнь, уходим от них, ссылаясь, в ответ на новые, никогда ещё в истории не бывшие проблемы, на церковные памятники тысячелетней давности. Это отнюдь не привлекает к нам людей; в глазах их мы совершенно неадекватны обстановке, в которой мы живём. Церковь всегда современна, ибо она есть осуществление вечно-Нового Завета; мы же делаем из неё этнографический музей.

Для многих православных Предание – это повод уйти от реальности, от трезвого восприятия мира в некую механическую мечту, в результате чего мы не получаем плодов духовных, не видим и не имеем настоящей жизни, а сочиняем её себе, как об этом ещё в XIX веке писал свт. Игнатий. А раз в нас не раскрывается духовная жизнь, то мы не можем явить её и другим, ибо дать можно только то, что имеешь сам.

И ещё. Опыт показывает, что труднее всего стать просто нормальным человеком – порядочным, трезвомыслящим, нравственным. Для этого как раз нужен настоящий аскетический подвиг. Такими, между прочим, хотят видеть нас, христиан, и люди внешние, испытывающие огромный дефицит этих качеств в современном обществе. Мы же, становясь православными и погружаясь в дебри аскетической письменности, не только не приобретаем, но и теряем эти качества. Нас интересуют глубины Иисусовой молитвы, абсолютные послушания, мистические духовничества, типиконное постничество, и проч., и проч.; гоняясь за этими журавлями в небе, мы нередко выпускаем из рук синицу обыкновенного человеческого здравомыслия. И получается так, как сказал свт. Василий Великий некоему высокопоставленному чиновнику, начитавшемуся книжек и ушедшему в монастырь: "ты и сенаторство потерял, и монахом не сделался". Один ныне здравствующий митрополит дал такое замечательное наставление новопостриженному иноку: "приобретя Ангельский облик, смотри, не утрати человеческого". И действительно, нередко, к несчастью, так происходит, – в чём и заключается одна из главных причин неуспеха нашей проповеди перед ближними.

Итак, начнём нашу миссию с самих себя. Понудим себя для начала быть нормальными людьми. Будем изучать Священное Писание, и понуждать себя жить по нему. Будем стараться понимать, что есть Священное Предание, и не попадаться в плен второстепенных вещей. Будем трезвы. Перестанем быть боязливыми, зашоренными, несвободными людьми. Не будем тяжелы для наших близких, будем стараться делать всем добро, помогать людям. Не будем кичиться нашим Православием, но озаботимся лучше тем, чтобы оно реализовывалось в нас. Станем сами настоящими православными христианами. Явим в самих себе нашу святую Церковь как любовь Христову и **жизнь с избытком** (Ин.10, 10), – и тогда люди, которым мы от всего сердца желаем спасения, **без слов приобретаемы будут, когда увидят наше чистое, богобоязненное житие** (1 Петр. 3, 1;2). Только на этом пути возможен сегодня успех православной миссии.